ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 17 Воскресенье 15 (28 мая) 1905 г. № 17

Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.

Александръ I.

Когда вышла книга Богюэ, Левъ Николаевичъ, обыкновенно равнодушный къ отзывамъ о себѣ, на этотъ разъ читалъ книгу съ большимъ интересомъ.

— Вы знаете,—сказалъ онъ мнѣ,—что меня особенно трогаетъ въ его отзывѣ? Это очень тонко подмѣченная причина моего склада мыслей. Онъ находитъ, что еслибы я не былъ русскимъ, я не пришелъ бы къ той вѣрѣ, какой я теперь живу. Какъ это глубоко вѣрно! Не изъ чувства національной гордости, котораго я, слава Богу, чуждъ и которое я считаю самой опасной заразой, — не изъ этого чувства, а просто, наблюдая жизнь и людей, могу смѣло сказать, что русской душѣ христіанство въ его чистомъ и ясномъ видѣ болѣе всего сродно. И то, что оно не здѣсь началось и не здѣсь выросло,—это вовсе ничего не доказываетъ. Ручьи, начинаясь на горахъ, тоже не остаются тамъ, а сбѣгаютъ внизъ шумными потоками. И только въ глубокихъ и широкихъ долинахъ изъ этихъ потоковъ образуются рѣки, озера и моря. И вотъ, я думаю, что русская душа, какъ огромная впадина въ землѣ, впитала въ себя влагу христіанства,—и теперь передъ нами большое синѣющее море съ радостными отсвѣтами неба.

Помню, именно, это ощущеніе я и испытывалъ, когда перестал быть нигилистомъ и меня потянуло къ вѣрѣ народной. Я шелъ, погружаясь, какъ человѣкъ входитъ въ море и чувствуетъ, что вотъ-вотъ онъ окунется и поплыветъ. И какъ хорошо стало на душѣ, когда я окунулся и ушелъ съ головой въ эту захватывающую великую стихію. Я увидѣлъ иной міръ передъ собою, огромный міръ людей, живущихъ не на словахъ только, а на дѣлѣ непосредственной чуткой близостью къ Богу, сознавая себя работниками его и послушно, съ радостью исполняя то, что отъ нихъ требуетъ Богъ. Не то, что я хочу, а то, что хочешь Ты. Въ этомъ все цѣнное отличіе ихъ отъ другихъ народовъ. Оттого русская народная душа и чужда страсти обогащенія и захвата и льнетъ больше къ чувству отреченія и мира.

Въ этомъ отношеніи чистѣйшимъ воплощеніемъ русской души былъ Александръ I-й.

Ахъ, какое сказаніе я о немъ знаю. Я непремѣнно обработаю когда-нибудь этотъ сюжетъ. Это дивная драма, изумительная по своей глубинѣ и по своей разящей, сильной, національной правдѣ.

Вотъ это сказаніе.

Ужасъ, совершившійся въ Инженерномъ замкѣ, легъ тяжелымъ камнемъ на душу Александра, и онъ нигдѣ не находилъ себѣ покоя. Ни блескъ престола, ни внѣшнія радости придворной жизни не привлекали къ себѣ души его, и онъ все чаще и чаще замыкался въ себѣ. Религіозныя наклонности его складывались въ опредѣленное міросозерцаніе, рисовавшее Александру иную будущность и иное призваніе. Онъ твердо рѣшилъ отказаться отъ царства и заявилъ объ этомъ Николаю и его женѣ. Онъ поселился потомъ

Шиллеровскія торжества въ Веймарѣ, 9-го мая (н. с.) — У памятника Шиллера-Гете, передъ возложеніемъ вѣнковъ депутаціями.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

въ Таганрогѣ и жилъ совершенно частнымъ человѣкомъ.

Гуляя по загороднымъ мѣстамъ, Александръ любилъ бесѣдовать съ простыми людьми, и каждый разъ его сердце наполнялось жгучей завистью къ жизни этихъ людей, такъ ясно понимающихъ смыслъ своей жизни и такъ крѣпко вѣрующихъ въ Того, Кто имъ далъ эту жизнь.

— Когда же, когда?—бывало мучительно спрашивалъ себя Александръ, думая о томъ времени, когда и онъ такъ будетъ жить, какъ они.

Казалось, ничего не стоило взять, облачиться въ простую одежду и начать работать наравнѣ съ ними простую Божью работу.

Но Александръ чувствовалъ, что онъ еще не на томъ берегу, что надо переплыть еще большую, широкую рѣку и многое, многое пережить. И онъ ждалъ съ тревогой и моленіемъ минуты, когда это будетъ.

Вотъ разъ гуляетъ онъ за городомъ и видитъ: народъ валомъ валитъ къ площади, занятой войсками. Войска выстроены въ двѣ шеренги длинной улицей и стоятъ безъ ружей, но съ короткими палками въ рукахъ.

Видитъ, вывели пожилого солдата, привязали ему вытянутыя впередъ руки къ прикладу ружья и, сорвавъ съ него рубашку, повели его съ оголенной спиной между шеренгами солдатъ.

Начиналось подъ звуки барабаннаго боя ужасное наказаніе, свирѣпое, дикое наказаніе, которое называлось „сквозь строй".

Александръ смотрѣлъ въ лицо поблѣднѣвшаго предсмертной блѣдностью солдата и былъ пораженъ удивительнымъ сходствомъ съ собой. Лицо солдата—точь въ точь его лицо.

Изъ разспросовъ онъ узналъ, что несчастный уже дослуживалъ 25-й годъ своей службы и, получивъ изъ деревни вѣсть, что отецъ умираетъ, онъ сталъ проситься въ отпускъ, чтобы попрощаться съ отцомъ. Но его не отпустили. Тогда онъ бѣжалъ. Его воротили и предали суду. Но онъ снова бѣжалъ и снова былъ пойманъ. И вотъ теперь его за двукратный побѣгъ присудили прогнать сквозь строй и дать ему 8 тысячъ палокъ. Это вѣрная смерть.

Александръ слушалъ эти глухіе, липнущіе удары, вначалѣ еще смѣшанные со стонами несчастнаго. Потомъ стоны эти притихли, и вмѣсто спины виднѣлось уже одно красное, сплошное, сочившееся кровью и разметанное въ клочья мясо.

Ужасъ охватилъ душу Александра.—„Боже мой!—думалъ онъ. Отца хотѣлъ увидѣть, въ послѣдній разъ прильнуть къ его губамъ и слово родное услышать, — и за это его именемъ моимъ терзаютъ и мучаютъ такъ?! А я... я... Что я сдѣлалъ?"...

И страшная сцена въ Инженерномъ замкѣ предстала во всей яркости предъ его глазами.

— Отецъ! — застоналъ онъ и тягучимъ, хриплымъ голосомъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Но плакали многіе изъ толпы, и его не замѣчали. Никто не зналъ, кто онъ такой.

Вдругъ слышитъ: барабанная дробь, все время трещавшая, стихла, и удары палокъ прекратились. Несчастный уже лежалъ на землѣ и впалъ въ забытье. Его положили на носилки и понесли въ госпиталь. Александръ послѣдовалъ за нимъ. Въ дежурной комнатѣ врача сидѣлъ сѣденькій, съ добрымъ лицомъ докторъ и спѣшно отдавалъ распоряженія помощнику, что нужно дѣлать принесенному солдату.

— Будетъ-ли онъ живъ, докторъ? — спросилъ Александръ, когда они остались одни, и тутъ же назвалъ себя.

Бѣдный докторъ испугался на смерть, вытянулся:

— Ваше... ваше величество...

Александръ ласково успокоилъ его и просилъ быть откровеннымъ.

Тогда докторъ сказалъ:

— Онъ умретъ сегодня же. Онъ получилъ 4000 ударовъ, и въ двухъ мѣстахъ произошелъ переломъ позвоночника. Смерть неизбѣжна.

— Въ такомъ случаѣ,—заволновался Александръ,—моя строгая просьба къ вамъ, и послѣдняя просьба, докторъ. Но прежде поклянитесь мнѣ, что тайна эта умретъ вмѣстѣ съ вами.

— Клянусь! клянусь моей любовью къ вамъ, великій государь!

— Вѣрю,—сказалъ Александръ и вынулъ позолоченный ключъ изъ кармана.

— Вотъ вамъ ключъ отъ моей комнаты и велите перенести туда солдата. Я сниму съ себя одежду мою, и надо будетъ одѣть его. А самъ я буду здѣсь на койкѣ, вмѣсто этого больного....

На завтра весь міръ узналъ о смерти императора, и заколоченный гробъ его, никому не показывая израненное тѣло, перевезли въ Петербургъ.

А Александръ недѣли черезъ двѣ залѣчилъ свои „раны" и былъ проведенъ сквозь строй, чтобы добить остальные удары.

Ему дали 4,000 палокъ, но онъ чудомъ остался живъ.

Солдаты, вѣроятно, щадили уже разъ наказаннаго.

Когда показались рубцы на кожѣ, его по законамъ того времени, какъ лишеннаго правъ, сослали въ Сибирь на поселеніе.

Въ далекую, затерянную среди овраговъ и долинъ сибирскую деревню привели высокаго стройнаго солдата, Михаила Силина, и отдали подъ надзоръ начальства...

Левъ Николаевичъ на минуту остановился. Умиленный поэтичностью волновавшаго его образа, онъ не могъ продолжать дальше разсказъ. Его давили спазмы въ горлѣ, а въ глазахъ стояли свѣтлыя, лучистыя слезы, слезы великаго сердцевѣда.

— И вотъ, разсказываютъ,—продолжалъ онъ съ дрожью въ голосѣ, когда прошли спазмы,—что долго прожилъ Михаилъ въ той деревнѣ, научился хозяйству, помогалъ крестьянамъ и училъ дѣтей ихъ грамотѣ.

Славился онъ также тѣмъ, что зналъ болѣзни и людей лѣчилъ. Часто его люди заставали за молитвой, и въ это время къ нему подводили больныхъ.

Случилось, что пригнали въ ту деревню двухъ ссыльныхъ, и изъ нихъ одинъ былъ старый придворный служитель. Вскорѣ служитель этотъ заболѣлъ тяжкой болѣзнью и былъ уже при смерти.

Положили его люди на повозку и привели къ старцу Михаилу, когда тотъ молился.

Александръ порывисто посмотрѣлъ на больного и узналъ въ немъ своего стараго придворнаго слугу, работавшаго въ саду.

Узналъ его и служитель.

Отъ великой радости и неожиданнаго счастья поднялся больной на ноги и хотѣлъ припасть къ рукѣ Александра.

Но тотъ мягко отстранилъ его и велѣлъ всѣмъ выйти.

— Ты никому не разскажешь?—обратился онъ къ больному.

— Всѣмъ, всему міру разскажу, что мои глаза видѣли и что мои руки чувствовали...

И отъ сильнаго волненія онъ упалъ на землю и лишился чувствъ.

Подхватили его люди и унесли домой.

Когда онъ очнулся и повѣдалъ окружавшимъ его все, что съ нимъ было,—народъ бросился къ Александру.

Но Александра уже не было.

Съ той поры, разсказываютъ, долго бродилъ по Сибири высокій, стройный старикъ и гдѣ-то около Уральскихъ горъ, у самой границы Европы, встрѣтилъ свой послѣдній часъ...

Какая это была величественная минута, должно быть!.. Какое высокое освобожденіе души!..

И. Тенеромо.

Персидская выставка въ Петербургѣ.

Полтора года тому назадъ мы были искренно поражены „открытіемъ Японіи". Мы просмотрѣли эволюцію превращенія полудикаго на европейскій взглядъ азіатскаго народца—въ культурнаго, могущественнаго врага.

У насъ есть другая сосѣдка,—сосѣдка, гораздо болѣе старинная, но о которой мы знаемъ столько же, сколько полтора года тому назадъ знали о Японіи.

Есть Персія, въ ней городъ Тегеранъ, гдѣ живетъ шахъ, у него большой гаремъ, персы народъ лѣнивый и апатичный,—этимъ въ общихъ чертахъ исчерпываются наши знанія о Персіи и интересъ къ ней. А напрасно!

Многія восточныя страны спятъ (пока), но это еще не значитъ, что онѣ умерли. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы возстаніе въ Персіи сектантовъ-бабидовъ въ 40-хъ годахъ, имѣвшее политическій характеръ столько же, сколько и религіозный, и разросшееся до страшныхъ размѣровъ. Стоитъ вспомнить гибель нашего Грибоѣдова въ Тегеранѣ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, чтобы понять, что полагаться на это кажущееся спокойствіе нельзя.

Затѣмъ: съ паденіемъ Портъ-Артура и Дальняго—вопросъ о пріобрѣтеніи нами станціи въ одномъ изъ портовъ Персидскаго залива, Джибути, Маскатѣ или Бендеръ-Аббасѣ имѣетъ для насъ громадное значеніе, не говоря уже о развитіи торговыхъ сношеній непосредственно съ самой Персіей. Товары наши цѣнятся тамъ очень высоко, ихъ предпочитаютъ англійскимъ, и англичане прибѣгаютъ къ обману, выдавая свои худшія изделія за русскія. Также и нашъ керосинъ, сахаръ, вывозимые въ Персію, несравненно лучшаго качества, чѣмъ англійскіе. Съ другой стороны, мы получаемъ изъ Персіи опіумъ, шерсть и другое сырье—и это все идетъ кругомъ, моремъ, черезъ посредничество Англіи, причемъ, конечно, мы переплачиваемъ невѣроятные проценты.

Въ виду этого выставка, открытая въ настоящее время въ зданіи биржи,—какъ наглядный результатъ русской экспедиціи 1904 г., предпринятой подъ покровительствомъ Великаго Князя Александра Михаиловича и подъ начальствомъ князя Аматуни, стоявшаго во главѣ экспедиціи,—представляетъ большой интересъ.

Экспедиція въ составѣ 6 человѣкъ въ февралѣ 1904 г. выѣхала изъ Баку и изрѣзала вдоль и поперекъ всю Персію. Около 3,000 в. пришлось сдѣлать на мулахъ; посѣтили Энзели,囗囗 囗Рештъ, Казвинъ, Тегеранъ, Испагань, Ширазъ, Козрунъ, Бендеръ-Буширъ, Багдадъ, Ковейтъ, Линге, Карачи, Бомбей, Маскатъ, Аденъ, Джибути, Джедду, Ходейдъ, Ризэ, Ахвазъ и проч. 8 мѣсяцевъ были посвящены на изученіе этихъ пунктовъ и только въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1904 г. экспедиція вернулась въ Россію.

Князь Аматуни составилъ статистическія таблицы о томъ, какіе русскіе товары могутъ быть вывозимы на изученные рынки. Вы-

ставка уже функціонировала въ Одессѣ и Москвѣ; результаты уже сказываются; вниманіе и интересъ одесскаго и московскаго купечества сильно поднялись, и изъ Москвы уже сдѣланы заказы на сырье—шерсть на полтора милліона рублей. Нѣкоторые наши торговые дома вотъ уже года два завели болѣе прочныя торговыя сношенія съ Персіей. Такъ, прохоровская трехгорная мануфактура открыла свои отдѣленія въ Испагани, Корипмани и Ширазѣ; торговый домъ бр. Зензиновыхъ открылъ свои отдѣленія въ портахъ Персидскаго залива.

Существуетъ предположеніе министерства финансовъ открыть въ недалекомъ будущемъ отдѣленіе банка въ Ширазѣ или Буширѣ— все это, конечно, будетъ способствовать и оживитъ наши торговыя и дружескія сношенія съ Персіей.

Выставка заключаетъ образцы ввозимыхъ и вывозимыхъ нами изъ Персіи товаровъ.

Особенно обращаютъ вниманіе ковры оригинальныхъ рисунковъ и чрезвычайно красивой окраски; краски растительныя и составляютъ секретъ туземцевъ. На выставкѣ есть и мытые экземпляры, нисколько не утратившіе свѣжести окраски. Много образцовъ шелковыхъ персидскихъ тканей — грубоватыхъ, но прочныхъ; мягкія, ароматныя (отъ ящиковъ сандаловаго дерева, въ которыхъ хранились) кашемировыя шали, образцы сушеныхъ фруктовъ, очень крупныя фисташки, которыя обходились бы у насъ Петербургѣ, если бы шли прямымъ путемъ безъ посредниковъ —копѣекъ 15 за фунтъ. Персы, какъ и японцы, по разсказамъ князя, обладаютъ большой переимчивостью, среди нихъ встрѣчаются искусные чеканщики; уже по европейскимъ образцамъ имъ были заказаны кольца для салфетокъ, рюмочки для яицъ, подносики и проч.,—все это выполнено очень тонко.

Сахаръ нашъ, по сравненію съ англійскимъ, образцы котораго въ видѣ крупнаго мутнаго песку и маленькихъ хрупкихъ головъ находятся на выставкѣ,—внѣ всякой конкурренціи. Множество образцовъ англійскихъ ситцевъ и перкалей, которые они выдаютъ за русскіе.

Но, помимо чисто промышленной стороны, выставка представляетъ еще и художественный интересъ, такъ какъ попутно князь Аматуни собиралъ древнія монеты ассирійскія, персидскія, греческія, камеи, старинный фарфоръ, оружіе, украшенія женщинъ, лубочныя народныя картины. Много фотографій и открытыхъ писемъ съ очень оригинальными туземными зданіями и памятниками. Странно читать на одной изъ фотографій: „пароходство по Тигру".

Тигръ! Легендарная рѣка, омывавшая когда-то первобытный рай,—и вдругъ пароходство. Но чего ни бываетъ на свѣтѣ!

Остается пожелать выставкѣ и ея устроителямъ такихъ же счастливыхъ практическихъ результатовъ, какихъ она достигла въ Москвѣ и Одессѣ.

О. Базанкуръ.

Всемірная выставка въ Льежѣ.

(Отъ собственнаго корреспондента „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей").

II.

На устройство русскаго отдѣла правительствомъ было отпущено 50,000 рублей. Сумма болѣе чѣмъ скромная для того, чтобъ ярко блистать средь остальныхъ европейскихъ секцій, которымъ выставка обошлась въ милліоны. Но все же мы не ударили въ грязь лицомъ, и комиссаріатъ, во главѣ съ М. А. Бильбасовымъ, сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобъ представить нашъ отдѣлъ возможно интереснѣй.

По совѣсти говоря, мѣсто намъ „предложили" отвратительное. Гдѣ-то на задворкахъ. Это „Камчатка" главнаго павильона, куда сослали насъ вмѣстѣ съ австрійцами, швейцарцами и голландцами. Но... не красна изба углами...

Переноситъ въ Манчжурію уголокъ, даже не уголокъ, а цѣлый городокъ Краснаго Креста. Иностранцы толпятся здѣсь непрерывно. Они заходятъ въ палатку, гдѣ восковая сестра дѣлаетъ перевязку раненому, осматриваютъ несомыя двумя санитарами носилки, гдѣ лежитъ казакъ съ жестоко раздробленной ногой. Особенно смущаютъ европейцевъ косматыя папахи...

Эффектно и красиво представлены нѣкоторыя петербургскія фирмы. Этой стороной завѣдывалъ комиссаръ К. П. Ландратъ. Витрины съ чаемъ Дементьева и Васильева, мануфактура—Позднякова, галуны—С. Е. Ефимова; багеты—Васильева и т. д. Много бекеровскихъ роялей. Много кустарныхъ издѣлій въ русскомъ стилѣ. Много утвари и цѣлыя батареи гордо сверкающихъ самоваровъ которые вызываютъ у иностранцевъ смѣшанное съ любопытствомъ недоумѣніе.

— А гдѣ же нагайка?—спрашиваютъ нѣкоторые. Словно самоваръ и нагайка должны, почему-то, жить въ трогательномъ единеніи.

Гордость нашего отдѣла—это витрины съ фотографіями ателье Е. Л. Мрозовской По техникѣ и художественности исполненія, работы Мрозовской не уступаютъ заграничнымъ фотографамъ. Они—по сосѣдству, тутъ же, и сравнить весьма нетрудно.

Въ организаціи нашего художественнаго отдѣла принимали энергичное участіе секретарь русскаго клуба въ Парижѣ Д. П. Никифоровъ и докторъ медицины Г. М. Сегель. Казалось бы, что общаго—медицина и живопись? Но докторъ Сегель—собиратель и любитель произведеній искусства. Въ его парижской квартирѣ вы встрѣтите этюды и рисунки Харламова, Лемана, Видгопфа и многихъ другихъ выдающихся мастеровъ.

Вообще, Г. М. Сегель человѣкъ интересный. Это благодарный натурщикъ для романиста. Двѣнадцать лѣтъ онъ живетъ въ Парижѣ, имѣетъ чудесную практику, но всѣ помыслы его—въ Россіи.

... Въ центральныхъ губерніяхъ появилась холера. Отзвуки ея глухо коснулись Парижа. Этого было довольно... Сегелю не сидѣлось спокойно въ его комфортабельной квартирѣ на бульварѣ Мальзербъ. Онъ бросилъ все и помчался на холеру, навстрѣчу лишеніямъ. Помчался работать, помогать ближнему при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. А взглянуть на Сегеля—и не повѣришь съ перваго впечатлѣнія.

— Полно, такъ-ли это? Дѣйствительно-ли этотъ выхоленный мужчина въ лоснящемся цилиндрѣ и ослѣпительно бѣломъ жилетѣ ворочалъ и пользовалъ холерныхъ мужиковъ?..

Но сомнѣній никакихъ. На лицо—факты.

Въ самомъ дѣлѣ, почему же? Неужели нужно быть грязнымъ неряхой, чтобы имѣть право на альтруистическій подвигъ? Нисколько. Яркій примѣръ—это декабристы и жены ихъ въ Сибири.

Сегель—далеко не первый разъ принимаетъ участіе въ выставкахъ. Онъ работалъ и на парижской (послѣдней) всемірной выставкѣ, и у насъ въ Петербургѣ на „Дѣтскомъ Мірѣ" и завѣдывалъ неоднократно гигиеническими отдѣлами. На французскомъ языкѣ онъ напечаталъ цѣлый рядъ сочиненій по своей спеціальности. Нѣтъ, положительно, П. Д. Боборыкинъ дорого далъ бы за такого натурщика. Уроженецъ Керчи, Сегель окончилъ два университета, кіевскій и дерптскій и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дополнялъ свое образованіе за границей.

* * *

Зданіе дворца изящныхъ искусствъ прямо роскошно, и будетъ жаль, если, когда выставка кончится, его не приспособятъ къ чемунибудь постоянному. Обиліе верхняго свѣта, нѣжнаго, смягченнаго матовыми стеклами. Высокіе большіе залы съ ковромъ во весь полъ. Декоративная сторона—и желать трудно лучшаго.

Живопись и скульптура — по отдѣламъ. Блестящѣе всѣхъ представлены бельгійцы и французы. Нашъ русскій отдѣлъ—крохотный. Два маленькихъ зала. Да и тѣхъ могло не быть. Вѣдь, академія отказалась принять официальное участіе. Волей-неволей надо было „своими средствами", наскоро „создать" русскій отдѣлъ. Отсутствуй онъ совсѣмъ— было бы ужъ очень стыдно.

Выставили: А. А. Харламовъ, Н. И. Аронсонъ, Н. И. Кравченко, Беренштамъ, Шмаровъ и Синаевъ-Беренштейнъ. У Харламова, какъ всегда, чудесныя дѣтскія головки. Удивительно гармонируетъ рядомъ съ нимъ— Аронсонъ. Оба художника, и молодой и старикъ, словно дополняютъ другъ друга. Изящныя мраморныя головки и бюсты Аронсона кажутся высѣченными подъ впечатлѣніемъ головокъ Харламова. Этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ, но такое сопоставленіе приходитъ невольно.

Беренштамъ и Синаевъ-Беренштейнъ давно заявили себя опытными, умѣющими работать мастерами. Шмаровъ... Шмаровъ является недоразумѣніемъ. Нужно же было везти эту холстину въ Льежъ, которая съ такимъ безповоротнымъ шумомъ провалилась въ Петербургѣ? А, вѣдь, она занимаетъ—его картина „Ждутъ"—цѣлую стѣну и безъ того маленькаго русскаго отдѣла.

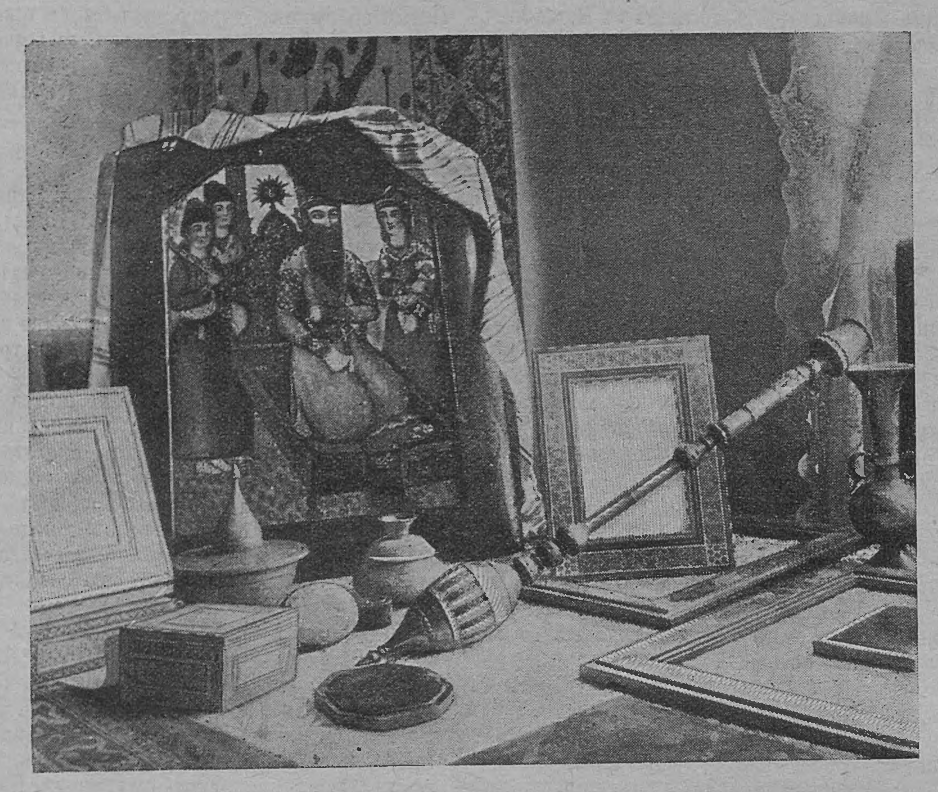
Имѣютъ этнографическій и злободневный интересъ для иностранцевъ картины, этюды и рисунки Кравченко—почти все цѣликомъ батальные мотивы китайской и японской войны. Работами Кравченко — числомъ около сотни—увѣшаны всѣ четыре стѣны большого зала сверху до низу. На громадномъ холстѣ нарисованъ углемъ бѣгущій въ атаку взводъ пѣхотныхъ солдатъ. Фигуры перваго плана — въ натуру. Схвачена экспрессія лицъ, частью озвѣрѣвшихъ, частью безсмысленныхъ, съ раскрытыми ртами и выпученными глазами.

На нѣсколькихъ этюдахъ и картинахъ изображенъ Пекинъ. Его массивныя стѣны, его центръ, его предмѣстья съ ихъ пестрой восточной жизнью. Выставочные гости интересуются больше всего портретомъ Стесселя и эскизомъ „Гибель Петропавловска", съ котораго Кравченко намѣренъ написать большую картину. Въ цѣлой серіи небольшихъ акварелей мелькаютъ ловко нарисованные типы забайкальскихъ казаковъ, китайченковъ, японскихъ солдатъ и китайскихъ палачей во всеоружіи ихъ ужасныхъ инструментовъ.

Хорошая мысль явилась Кравченкѣ—привезти свои вещи въ Льежъ. Здѣсь это въ особенности оригинально и ново. Въ успѣхѣ— онъ уже есть—нельзя было сомнѣваться.

* * *

Германскій отдѣлъ хотя богатъ количествомъ, но, видимо, и его „сочиняли" на скорую руку. Сиротливо виситъ одинокій Ленбаховскій Бисмаркъ. Нѣтъ ни Кнауса, ни Дефреггера, ни Грютцнера. Слава Богу, что попалъ какимъ-то чудомъ превосходный—

„Фатали-Шахъ, его супруга и плѣнные грузинскіе принцы“.—Рѣдкая старинная картина на стеклѣ.
(Экспонаты области Ширазъ).

Почетная сабля генералу Стесселю отъ французскихъ граждан.
(На пріобрѣтеніе сабли была открыта въ Парижѣ подписка газетой „Echo de Paris“.

развѣ есть у него работы не превосходныя—Лейбль. Голова баварскаго мужика. Какая живопись, сколько внутренней психологической жизни и какое освѣщеніе!

Но эти два шедевра тонутъ въ морѣ всякой банальщины. Гдѣ братья Ахенбахи, гдѣ Дюккеръ?

Французы—тѣ показали себя. И въ скульптурѣ, и въ живописи. Въ скульптурѣ—много большихъ декоративныхъ работъ и фонтановъ—со вкусомъ скомпонованныхъ и грамотно, очень грамотно вылѣпленныхъ. Есть Роденъ.

Изъ картинъ всего дворца искусствъ мнѣ нравится больше всѣхъ „Искушеніе святаго Іеронима“—Эмэ Моро. Трактовать такой простой сюжетъ и не впасть въ шаблонъ, въ пошлость—надо быть крупнымъ художникомъ... Въ полутемной пещерѣ на камняхъ, прикрытыхъ грубой рогожей, сидитъ сѣдой отшельникъ въ коричневыхъ лохмотьяхъ бѣлой хламиды.

А рядомъ—чуть касаясь твердыхъ камней своимъ обнаженнымъ тѣломъ—красавица. Обыкновенно, у многихъ живописцевъ женщины цинично и грубо соблазняютъ святыхъ старцевъ. И картины не производятъ впечатлѣнія, вѣрнѣе—отталкивающее. У Эмэ Моро—ничего подобнаго. Красавица—раккурсъ головы изумительный—улыбается съ тонкимъ-претонкимъ—въ самый разъ великосвѣтскому салону — кокетствомъ. Концами пальцевъ, розоватыхъ, нѣжныхъ, она коснулась мозолистыхъ коричневатыхъ пальцевъ Іеронима. Другая рука ея наполовину тонетъ въ густой серебристой бородѣ.

Красавица выжидаетъ... Ея улыбка, лицо, тѣло, говорятъ:

— Посмотримъ...

Цѣлая нѣмая скорбная драма въ чертахъ и позѣ отшельника. Взглядъ его устремленъ

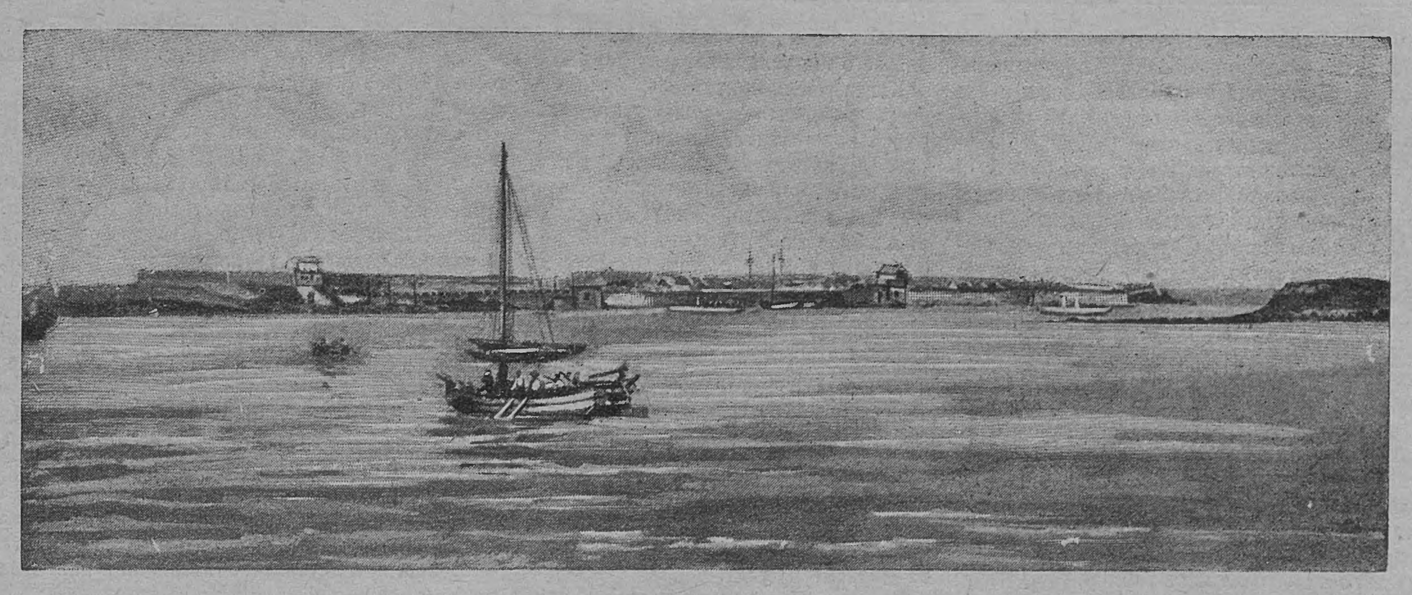
Танцующая персія къ (на стеклѣ) и рѣзныя работы (на деревѣ).
(Экспонаты области Фарсистанъ).

Образцы украшеній жилищъ персовъ.
Разрисованное полотно съ эпизодами изъ поэмы „Рустемъ и Зорабъ“).

Персидская выставка въ зданіи С.-Петербургской биржи.

Со снимковъ нашего фотографа, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Портъ Макунъ, на Пескадорскихъ островахъ, служащій операціонной базой эскадры адмирала Того.
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

на распятіе... И вѣра, и упованіе, и страстная мольба—все въ этомъ умномъ, глубокомъ взглядѣ...

— Господи, дай силъ, отгони...

Моментъ страшный, рѣшительный... Все поставлено на одну карту. Все...

Десятки лѣтъ аскетической жизни, лишеній, изнурительныхъ постовъ и молитвъ... Все...

Хороша картина по живописи и композиціи. Ничего лишняго. Все такъ стройно, такъ на мѣстѣ. Женское тѣло, прекрасно рисованное, розоватое въ груди и колѣняхъ—являетъ интересный колористическій контрастъ съ пергаментными, аскетическими руками и лицомъ Іеронима.

Публики у этой картины—не протолкаться! Англичане,—тѣ держатъ пари, соблазнитъ старца женщина или нѣтъ? Собирались даже посылать Моро телеграмму:—„Автору лучше знать“.

Дѣло, конечно, не въ глупыхъ пари и глупыхъ депешахъ. А важно, что въ картинѣ есть что-то недоговоренное, заставляющее работать фантазію и воображеніе...

Можно выдѣлить еще портреты Каролюса Дюранъ и Бонна. Эскизно и сильно сдѣлана у Жанъ-Поль-Лорранса голова Мунэ-Сюлли, загримированнаго Гамлетомъ. Пейзажи Лермитта, жанровая композиція Симона.

Выдержано тягостное, подавляющее настроеніе въ небольшой картинкѣ — забылъ имя автора—„Похороны анархиста“. Этотъ взводъ полицейскихъ, держащійся въ сторонкѣ, но съ „выжидательнымъ“ видомъ, эти бредущія за гробомъ понурыя и мрачныя фигуры,—этотъ зимній, свинцовый пейзажъ—все полно какой-то мучительной тоски, отъ которой готова разорваться грудь...

Н. Брешко-Брешковскій.

Печать и печатное дѣло.

(Изъ воспоминаній старшаго инспектора типографій).

„Недозволенныя“ и запрещенныя книги.—Цензурное вѣдомство и департаментъ полиціи.—Запретительный каталогъ въ видѣ рекламы запрещенному. —„Металла звонъ“.—Повѣсть о генералѣ Грессерѣ.—„Въ двадцать четыре часа!“

Въ 1882 году отъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовало распоряженіе—не допускать

Чествованіе памяти Сервантеса въ Мадридѣ по случаю 300-лѣтія со дня изданія „Донъ-Кихота“.
Выходъ изъ зданія испанской академіи наукъ короля Альфонса и королевы-матери.
Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій и книгъ. Списокъ этихъ изданій былъ полностью отпечатанъ на первой страницѣ газеты „Новое Время“, въ рубрикѣ правительственныхъ распоряженій и циркуляровъ, которыми были такъ чреваты печальной памяти восьмидесятые годы.

Старшій инспекторъ, передавая участковымъ инспекторамъ каталогъ книгъ, запрещенныхъ для чтенія въ библіотекахъ, поручилъ имъ объявить владѣльцамъ таковыхъ чтобы они, при требованіи недозволенныхъ книгъ, отнюдь не объясняли бы подписчикамъ, что эти книги запрещены для выдачи правительствомъ, а говорили бы, что просимыхъ книгъ не имѣется въ библіотекѣ. Послѣ оглашенія списка въ газетѣ, такое распоряженіе показалось намъ болѣе, чѣмъ страннымъ. Кто былъ иниціаторомъ сказаннаго распоряженія, старшій-ли инспекторъ или высшая власть, осталось для насъ тайной.

Просматривая бѣгло каталогъ, еще въ кабинетѣ старшаго инспектора, мы были поражены подборомъ помѣщенныхъ въ немъ сочиненій. Въ число запрещенныхъ книгъ попали и такія, которыя служили необходимыми руководствами для студентовъ университета, какъ напримѣръ: „О богатствѣ народовъ“ Адама Смита и „Геологическіе очерки“ Агассиса. Изъ беллетристовъ, сочиненія: Левитова, Слѣпцова, Рѣшетникова, Бажина и Михайлова-Шеллера. Сочиненія Левитова и Слѣпцова слѣдовало бы рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ училищъ, такъ какъ критика давно причислила ихъ къ разряду классиковъ, а сочиненія послѣднихъ трехъ авторовъ устарѣли и потеряли интересъ минуты. Сочиненія Михайлова-Шеллера, въ концѣ девятидесятыхъ годовъ, были допущены для чтенія въ библіотекахъ, а сочиненія перечисленныхъ выше авторовъ и до сихъ поръ покоятся подъ спудомъ.

Хотя этотъ каталогъ и шелъ изъ главнаго управленія по дѣламъ печати, но мы сомнѣвались, чтобы составитель его могъ принадлежать къ членамъ цензурнаго вѣдомства. Для провѣрки нашего предположенія я отправился за разъясненіемъ въ управленіе. Чиновники управленія дѣйствительно подтвердили наши доводы. Каталогъ исходилъ не изъ цензурнаго вѣдомства, а изъ департамента полиціи. Такимъ образомъ, главное управленіе по дѣламъ печати не было иниціаторомъ этого курьезнаго списка, а лишь слѣпымъ исполнителемъ предписаній высшаго начальства.

Когда я указалъ на сочиненія Смита и Агассиса, чиновники пожали плечами и развели руками. Каталогъ и на нихъ произвелъ удручающее впечатлѣніе.

Я рекомендовалъ войти съ докладомъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, по поводу этого каталога. Какой былъ сдѣланъ докладъ, мнѣ неизвѣстно, но вскорѣ инспектора получили предложеніе—объявить библіотекамъ, что Смитъ и Агассисъ вновь допускаются для чтенія.

Курьезнѣе всего еще то, что въ числѣ книгъ значились такія, которыя совсѣмъ не выходили въ свѣтъ и были въ свое время запрещены и уничтожены.

При объявленіи владѣльцамъ библіотекъ этого запрещенія, нѣкоторые изъ нихъ, просматривая каталогъ, сказали, что большинство помѣщенныхъ изданій совсѣмъ не спрашиваются подписчиками и стоятъ подъ слоемъ густой пыли.

Зайдя какъ-то къ одному изъ букинистовъ Апраксина рынка, я былъ свидѣтелемъ такого случая: вошелъ неизвѣстный господинъ среднихъ лѣтъ и, передавъ торговцу нумеръ „Новаго Времени“, гдѣ былъ помѣщенъ преслѣдуемый списокъ, просилъ букиниста собрать для него поименованныя въ немъ книги.

Когда ушелъ покупатель, букинистъ сообщилъ мнѣ, что подобныя предложенія не рѣдки въ послѣднее время.

— Да вотъ, хоть бы взять, къ примѣру, книга „Исторія политическихъ литературъ“ Ю. Г. Жуковскаго, — иллюстрировалъ букинистъ свое сообщеніе,—совсѣмъ не шла и была продана на рынокъ по вѣсу, а теперь пошла въ ходъ и, пожалуй, скоро „подберется“ (техническое выраженіе книжныхъ торговцевъ).

Такимъ образомъ, „каталогъ“ послужилъ превосходной рекламой для распространенія сочиненій, которые, по мнѣнію составителя, могли подорвать государственныя основы.

Вообще, въ описываемую эпоху, кромѣ цензурнаго комитета, было еще много другихъ постороннихъ вѣдомствъ и добровольцевъ, которые всѣми силами старались надѣть на литературу узду.

Въ виду пересмотра коммиссіею цензурнаго устава, желательно бы было, чтобы изданія, дозволенныя цензурою или допущенныя судомъ къ выпуску въ свѣтъ, не могли бы уже болѣе запрещаться административною властью, какъ для обращенія въ публикѣ, такъ равно и для чтенія въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ.

* * *

Въ главѣ 3-ей я писалъ, что при генералѣ Грессерѣ особенно подвергались преслѣдованію заведенія печати. Слова „типографія“ и „печать“ являлись для него такимъ же пугаломъ, какъ для замоскворѣцкихъ купчихъ „жупелъ“ и „металла звонъ“. Онъ былъ того мнѣнія, что появляющіяся въ то время (очень рѣдко) прокламаціи исполнялись въ легальныхъ типографіяхъ. Большого труда стоило его убѣдить, что владѣльцы заведеній печати того времени чужды были какихъ-либо политическихъ идеаловъ. Они почти всѣ вышли изъ наборщиковъ, за исключеніемъ издателей газетъ, имѣющихъ типографіи для печатанія своихъ изданій, тяжелымъ трудомъ пріобрѣли собственныя заведенія, въ виду чего не только никогда не принимали ни прямаго, ни косвеннаго участія въ печатаніи подпольныхъ листковъ, но даже доводили до свѣдѣнія администраціи, когда, въ отсутствіи ихъ, какой-либо наборный ученикъ, шалости ради, оттискивалъ потихоньку отъ хозяина порнографическое четверостишіе.

Наконецъ, если бы они и рѣшились совершить названный проступокъ, то ихъ же рабочіе не преминули бы донести объ этомъ административной власти или же стали бы эксплуатировать хозяевъ, требуя отъ нихъ денегъ.

Я помню такой случай: управляющій литографіей, когда его хозяинъ уѣхалъ въ праздникъ къ себѣ на дачу, вздумалъ отпечатать „Горе отъ ума“ въ скабрезномъ переложеніи. Было отпечатано, кажется, сто экземпляровъ съ порнографическими рисунками. Литографскій печатникъ, получивъ сверхъ жалованья пять рублей, пришелъ на другой же день пьяный и потребовалъ еще пять рублей, грозя донести мѣстному инспектору. Управляющій, не удовлетворивъ его требованія, выгналъ изъ заведенія. Печатникъ тотчасъ же отправился къ инспектору и донесъ о совершенномъ преступленіи. Результатомъ было судебное преслѣдованіе. Окружный судъ приговорилъ владѣльца литографіи и управляющаго къ тюремному заключенію, постановивъ уничтожить арестованные экземпляры.

На одномъ докладѣ я высказалъ генералу вышеприведенные доводы, и онъ хотя и согласился отчасти съ ними, но не преминулъ возразить, что владѣльцы заведеній печати, пожалуй, и не станутъ сами принимать участія въ печатаніи подпольныхъ листковъ, но нельзя поручиться, что въ числѣ рабочихъ не найдутся такія лица, которыя тайно отъ хозяевъ совершатъ преступленіе.

И вотъ, опираясь на свое предположеніе, генералъ Грессеръ все время твердилъ, что типографовъ необходимо держать въ страхѣ, почему и подвергалъ ихъ за всякій маловажный проступокъ жестокому взысканію. Стоило типографу выпустить изъ своего заведенія какое-либо отпечатанное объявленіе, безъ предварительнаго разрѣшенія полицейской власти, хотя бы это объявленіе уже было нѣсколько разъ помѣщено въ другихъ газетахъ, генералъ Грессеръ немедленно же подвергалъ его штрафу не менѣе, какъ въ сто рублей.

Не только чиновникъ градоначальника, на обязанности котораго лежало цензировать объявленія, зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не появлялись таковыя безъ дозволенія, но въ описываемое время было много добровольцевъ, которые своими услугами помогали администраціи выискивать проступки, совершаемые помощью печатнаго станка.

Очень часто случались и курьезы, которые, однако, тревожили мирное теченіе дѣлъ инспекціи, отвлекая ненужными и пустыми разслѣдованіями.

Раздаетъ, напримѣръ, газетчикъ (частнымъ лицамъ или посыльнымъ не разрѣшалось раздавать печатные листки) объявленіе отъ какого-либо торговаго дома. Доброволецъ, получивъ листокъ и не найдя на немъ обычной формулы „печатать разрѣшается“ и фирмы типографіи, немедля же посылаетъ этотъ листокъ градоначальнику, указывая на отсутствіе разрѣшенія и фирмы заведенія.

Инспекція, произведя, по распоряженію Грессера, разслѣдованіе, находила, что присланный листокъ былъ отпечатанъ съ разрѣшенія надлежащей власти и требуемая формула была выставлена, но, по небрежности рабочаго, эта формула была отрѣзана (иногда разрѣшительная надпись печаталась не сряду подъ текстомъ, а внизу листка, ближе къ краю).

Одинъ изъ типографщиковъ, находящійся въ моемъ раіонѣ, отпечаталъ безъ дозволенія цензуры циркуляръ, заказанный частнымъ банкомъ, предполагая, что этотъ циркуляръ, на основаніи 167 ст. цензурнаго устава, не подлежитъ предварительному разрѣшенію цензуры. Названный циркуляръ не имѣлъ ничего законопротивнаго и былъ впослѣдствіи разрѣшенъ.

Получивъ упомянутый циркуляръ, ген. Грессеръ вызвалъ меня къ себѣ для объясненій. Пригласивъ въ кабинетъ, генералъ принялъ меня такими словами:

— Вотъ вы всегда докладываете, что въ типографіяхъ все благополучно, а между тѣмъ, полюбуйтесь, какія тамъ творятся беззаконія?

Діалогъ этотъ былъ высказанъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ и радостью, точно генералъ Грессеръ открылъ новую Америку, а не ничтожный циркуляръ, отпечатанный безъ разрѣшенія.

— Я узналъ, — продолжалъ генералъ, — какая типографія провинилась и вызвалъ владѣльца къ себѣ въ понедѣльникъ (дѣло происходило въ четвергъ). Будьте и вы въ тотъ же день у меня. Я потому вызываю чрезъ нѣсколько дней, чтобы онъ хорошенько помучился въ этотъ періодъ времени, терзаясь догадками, въ чемъ заключается его вина?

У генерала Грессера была выработана система мучить людей, назначая продолжительный срокъ для явки. И жертвы дѣйствительно изнывали, если не догадывались навести справку у мѣстнаго инспектора.

— Что это большая типографія?—спросилъ генералъ, назвавъ мнѣ фамилію владѣльца.

— Очень маленькая и бѣдная,—отвѣтилъ я.—Одинъ станокъ и скоропечатная машина, взятые владѣльцемъ въ кредитъ.

— Ну, такъ я оштрафую его на сто рублей, а если не внесетъ денегъ, то подвергну аресту на двадцать дней,—закончилъ ген. Грессеръ.

Въ назначенный день я былъ въ пріемной градоначальника, гдѣ уже ждалъ пріема злополучный типографщикъ.

Пріемную ген. Грессера можно было приравнять къ восьмому кругу Дантова ада. Кромѣ провинившихся полицейскихъ, тутъ же ожидали своей участи и домовладѣльцы, и хозяйки меблированныхъ комнатъ, не успѣвшія въ теченіе сутокъ заявить въ участокъ о прибытіи новыхъ жильцовъ, и антрепренеры загородныхъ театровъ и торговцы съ Сѣнного рынка, и проч., и проч. Всѣ эти лица были блѣдны, нервно возбуждены, ждали грозы и каждый разъ, когда дверь, ведущая въ кабинетъ генерала, открывалась, быстро вскакивали со своихъ мѣстъ и съ ужасомъ и трепетомъ на нее взирали. Разговоры не велись, и если кто позволялъ себѣ нарушать могильную тишину пріемной, то только лишь одни чиновники особыхъ порученій. Они довольно развязно расхаживали по комнатѣ и вели въ полголоса разговоръ между собою.

Но вотъ, отворилась дверь, и въ пріемную вошелъ ген. Грессеръ. Всѣ встали и отвѣсили поклонъ. Онъ едва кивнулъ, медленно обвелъ злымъ и нахмуреннымъ взглядомъ комнату и сталъ тихо подходить къ намѣченной жертвѣ.

— Вы что?—сурово спросилъ генералъ.

— Ва... ва... ваше-ство,—заикаясь и блѣднѣя, лепетала жертва.

— Въ чемъ ваша вина?—возвысилъ голосъ ген. Грессеръ.

— Не... не прописала во-время жильца... еврея.

— Не прописала еврея?... На первый разъ штрафую на триста рублей. Еще разъ повторится,—закрою комнаты и вышлю изъ Петербурга въ двадцать четыре часа.

— Вы что?—обратился генералъ къ другой жертвѣ.

— Типографъ Z.

Генералъ, не спрашивая далѣе, обратился къ присутствующему инспектору.

— Отпечаталъ циркуляръ отъ коммерческаго банка,—доложилъ инспекторъ.

— А-а-а! штрафую на первый разъ въ сто рублей, а если повторится, закрою типографію и вышлю въ двадцать четыре часа изъ Петербурга.

И такъ далѣе, въ томъ же духѣ.

Впослѣдствіи ген. Грессеръ уже говорилъ кратко:

„Въ двадцать четыре часа!“

Жертвы знали значеніе и смыслъ этого лаконическаго возгласа.

И. Карамышевъ.

Тайный музей.

Какъ мы уже сообщали въ послѣднемъ нумерѣ „Знанія Искусства“, въ скоромъ времени въ Петербургѣ предстоитъ открытіе почтово-телеграфнаго музея.

Надъ устроеніемъ музея въ послѣднія 10 лѣтъ много трудился Н. Е. Славинскій. Благодаря его энергіи, собраны и приведены въ надлежащій порядокъ хранившіяся тамъ вещи и пріобрѣтаются новыя. Благодаря его же любезному содѣйствію, мы имѣли возможность подробно осмотрѣть всѣ отдѣлы музея: почтовый, телеграфный, телефонный и электрическаго освѣщенія.

Не останавливаясь надъ тѣмъ, что относится къ спеціальной наукѣ, отмѣтимъ то, что представляетъ несомнѣнно большой общій интересъ.

Въ почтовомъ отдѣлѣ васъ встрѣчаетъ карандашный портретъ боярина Ордынъ-Нащокина (1666 г.), перваго организатора почты въ Россіи, которая первоначально предназначалась только для пересылки государственныхъ бумагъ и частной переписки торговыхъ людей.

Рядомъ—портретъ русскаго почтмейстера А. Виніуса, многочисленныя карты хода почтъ со временъ Петра Великаго и подорожная 1812 г., подписанная графомъ Кутузовымъ. По столамъ разложенъ цѣлый рядъ альбомовъ. Въ одномъ изъ нихъ около 20.000 почтовыхъ марокъ разныхъ странъ. Коллекція эта стоитъ 15 т. рублей. Въ другомъ—серія штемпельныхъ конвертовъ. Одинъ изъ нихъ, московскій 1846 года, въ 5 копѣекъ, цѣнится свыше тысячи рублей.

Въ альбомахъ „древнихъ статистическихъ почтовыхъ картъ“ мы прочли такую надпись: „карта съ показаніемъ большихъ почтовыхъ дорогъ купеческихъ и для прохода войскъ способныхъ. Сочинена (?) 1817 г.“.

Тутъ же всевозможные ящики для писемъ и мѣшки. Интересенъ большой кожаный баулъ 1872 г., со вложенной внутри сѣткой изъ желѣзныхъ колецъ. Онъ предназначался для отправки писемъ въ дальнѣйшія мѣстности Сибири. Когда въ немъ привезли петербургскую корреспонденцію во Владивостокъ, то оказалось, что сѣтка перетерла всѣ письма въ труху.

Очень интересными по декоративно-художественному исполненію являются заключенныя въ стеклянные ящики большія модели разнообразной перевозки почть въ Россіи, работы О. М. Кротковой. Снимки съ этихъ моделей помѣщены въ послѣднемъ номерѣ „Знанія Искусства“. Модель сибирской почты представляетъ нарты, запряженныя тремя парами собакъ, седьмая—вожакъ—бѣжитъ впереди безъ упряжи. Второй способъ перевозки—на оленяхъ, цугомъ. Кладь въ 16 пудовъ олени везутъ со скоростью 250 в. въ сутки. На выставкѣ 1900 г. въ Парижѣ, гдѣ экспонаты музея получили Grand Prix, нѣмцы заказали намъ для берлинскаго музея изготовить такія же модели. Далѣе перевозка въ 4 пары на буйволахъ въ Ставропольской губерніи, гдѣ во время распутицы такая почта дѣлаетъ двѣ-три версты въ часъ. Затѣмъ—пѣшая почта, въ горахъ Кавказа, во время снѣжныхъ заносовъ. Впереди идутъ съ киркой, прочищая дороту, за ними на спинахъ несутъ корреспонденцію.

Другая разновидность почтъ на Кавказѣ—на верблюдахъ, третья—верхами на коняхъ. Прекрасно вылѣпленная группа лезгинъ поднимается среди крутыхъ обваловъ и разбойничьихъ засадъ. Наконецъ, модель „бабьей почты“.

На Мурманѣ, въ Архангельской губерніи, когда мужики уходятъ на рыбную ловлю, почту развозятъ въ лодкахъ женщины. На лодкѣ сидятъ за веслами 4 женщины, посреди лодки большой ящикъ съ надписью „почта“, сзади почтовый чиновникъ. Декоративная обстановка этой модели очень красива. Чтобъ покончить съ почтой, укажемъ еще на большую машину, выписанную изъ-за границы, для штемпелеванія конвертовъ. Оказалось, что у насъ примѣнить ее нельзя до тѣхъ поръ, пока не введется обычай наклеивать марки на правомъ верхнемъ углу конверта. Пока этого нѣтъ,—удобное и быстрое машинное штемпелеваніе должно быть замѣняемо медленнымъ, ручнымъ.

Въ телеграфномъ отдѣлѣ интересна модель оптическаго телеграфа системы Шато, по которой была построена у насъ въ 1838 году первая телеграфная линія между Петербургомъ и Варшавой. Вмѣсто столбовъ между этими городами было построено 149 башенъ съ семафорами и фонарями. Сигналисты наблюдали съ этихъ башенъ въ подзорныя трубы за фонарями сосѣднихъ станцій и сами подавали сигналы, измѣняя подъ извѣстнымъ угломъ положеніе фонарей. Конечно, въ туманные дни, при дождѣ, снѣгѣ и вьюгѣ, такой телеграфъ не дѣйствовалъ. Устроителю его, инженеру Шато, была выдана пожизненная пенсія въ 6 тыс. руб. въ годъ. Для подготовки сигналистовъ учредили особую школу.

Одинъ залъ занятъ складомъ отдѣльныхъ частей, необходимыхъ при устройствѣ телеграфныхъ линій.

Въ музеѣ имѣются образцы разныхъ породъ дерева, употребляемыхъ для телеграфныхъ столбовъ съ указаніемъ поврежденій, наносимыхъ разными породами насѣкомыхъ. Любопытна модель телеграфной проволоки съ осадкомъ обледенѣлаго снѣга, который своею тяжестью обрываетъ провода.

Въ телеграфномъ залѣ находится 18 витринъ, наполненныхъ изоляторами, которые употребляются въ разныхъ государствахъ. Среди нашихъ — корниловскіе фарфоровые, замѣнившіе прежніе стеклянные. Персидскіе изоляторы сдѣланы изъ глины. Тутъ же образцы проволокъ, спаекъ и ключей для навѣски. Между громоотводами и коммутаторами мы видѣли универсальный коммутаторъ, сожженый грозою въ 1895 году на колыванской почтовой станціи. Онъ превратился въ черную безформенную металлическую массу.

Въ отдѣлѣ полевыхъ телеграфовъ имѣются экземпляры, захваченные въ русско турецкую войну въ Карсѣ, Рущукѣ и Сулинѣ, съ турецкими буквами, и кусокъ кабеля со дна Дуная.

Собраніе кабелей, прокладываемыхъ по дну въ рѣкахъ и моряхъ, составляетъ особое отдѣленіе. Въ немъ насчитывается до 700 образцовъ. Здѣсь же собраны динамо-машины, типы батарей и серія измѣрительныхъ приборовъ для телеграфныхъ кабелей.

Большой научный интересъ представляетъ изъятый теперь изъ употребленія пантелеграфъ аббата Казелли. Онъ давалъ возможность автографически передавать рукописи на любомъ языкѣ, рисунки, ноты, портреты, карты. Въ 1866 г. аппаратъ этотъ былъ установленъ между Петербургомъ и Москвою. Тогда ожидались телеграфныя сношенія съ Дальнимъ Востокомъ, и пантелеграфъ долженъ былъ оказать незамѣнимую услугу, безошибочно фотографически передавая факсимиле восточныхъ рукописей.

Однако, черезъ 2 года его сняли съ линіи, вслѣдствіе сложности механизма, медленности работы, а главное—дороговизны пользованія.

Библіотека музея состоитъ изъ сочиненій, касающихся разныхъ сторонъ почтово-телеграфнаго дѣла, и насчитываетъ 6,000 названій.

Упоминаніемъ о множествѣ прекрасныхъ альбомовъ со снимками портретовъ изобрѣтателей и лицъ, участвовавшихъ на почтовыхъ и телеграфныхъ конгрессахъ, закончимъ наше бѣглое описаніе хранилища, имѣющаго такое важное научное и историческое значеніе.

Въ заключеніе остается пожалѣть, что музей до сихъ поръ недоступенъ для широкой публики. Правда, по временамъ его посѣщаютъ чины телеграфной школы при главной телеграфной станціи и студенты электротехническаго института, но, думаемъ, назначеніе всякаго музея имѣетъ въ виду не только интересы спеціалистовъ той науки или искусства, которымъ онъ посвященъ, но также интересы вообще всего образованнаго общества.

Г. Анчарскій.

Подпоручикъ 138-го болховского полка **А. Н. Силинъ**, убитый въ бою подъ Мукденомъ.

Шт.-кап. 58-го волынскаго полка **А. А. Фриманъ**, раненый въ бою подъ Мукденомъ.

Поручикъ великолуцкаго полка **Н. С. Клюганскій**, раненый въ бою подъ Мукденомъ.

Подпор. 99-го ивангородскаго полка **А. М. Поджіо**, раненый въ бою подъ Мукденомъ,

Капитанъ 161-го александропольскаго полка **М. В. Коломно-Таттовскій**

Подпоручикъ 145 го новочеркасскаго полка **И. Побѣдоносцевъ**, остался на полѣ битвы подъ Мукденомъ.

Прапорщикъ 9-й артил. стр. бригады **А. С. Шелепинъ**, контуженный въ бою подъ Мукденомъ.

Капитанъ 100-го островскаго полка **А. Пономаренко**, убитый въ бою подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 18-го восточно-сибир. полка **А. М. Власовъ**, раненый подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 148-го каспійскаго полка **М. Н. Карасевичъ**, раненый подъ Мукденомъ.

Шт.-кап. 2[illegible]2-го черноярскаго полка **Д. Н. Соколовъ**, раненый въ бою подъ Мукденомъ.

Поручикъ 100-го островскаго полка **И. Ф. Григорьевъ**, раненый подъ Мукденомъ.

Шт.-кап. 145-го пѣх. новочеркасскаго полка **С. И. Горянскій**, убитъ въ послѣднемъ сраженіи подъ Мукденомъ

Поруч. 161 александропольскаго полка **А. Н. Арцымовичъ**, остался на полѣ сраженія подъ Мукденомъ.

Поруч. 87-го пѣх. нейшлотскаго полка **П. П. Артамоновъ**, раненъ подъ Мукденомъ.

Поруч. 20-го стрѣлковаго полка **А. Н. Сиробоярскій**, убитъ подъ Мукденомъ.

Подполк. 162 ахалцыхскаго полка **А. Ф. Ульевъ**, раненъ подъ Мукденомъ.

Капит. 2[illegible]4 борисовскаго полка **А. Э. Маевскій**, раненъ въ послѣднемъ бою подъ Мукденомъ.

Поручикъ 147-го кромскаго полка **Н. В. Лихсриекій**, раненый въ бою подъ Мукденомъ.

Сотникъ 12-го оренбургскаго казачьяго полка **Н. П. Кривнаковъ**, раненый подъ Мукденомъ.

Шт.-кап 33-го елецкаго полка **Н. Т. Пикулъ**, тяжело раненый подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 99-го ивангородскаго полка **В. В. Барскій**, раненый подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 4-го сибирскаго полка **Н. И. Курганъ**, скончавшійся отъ ранъ, полученныхъ подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ 147-го самарскаго полка **Н. Н. Попсуевъ-Ивановъ**, раненый подъ Мукденомъ.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом." С. М. Пропперъ.